

*Однополый брак в России:
«Темное прошлое», серые будни и «светлое» послезавтра*

Александр Кондаков

Глобальный дискурс и местные герои

Современное положение лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров (ЛГБТ)¹ в России нельзя назвать завидным. С одной стороны, закон о мужеложестве давно отменен. Таким образом, ЛГБТ счастливо покинули уголовно-правовое поле. С другой стороны, мы так и не стали участниками гражданского права. Геи и лесбиянки в сегодняшней России – это неполноценные граждане: помимо тех прав, которых мы лишены как среднестатистические индивиды (свобода передвижения по Москве без московской прописки, например), есть и те права, в которых нам отказано непосредственно как геям и лесбиянкам. В частности, таким гражданским правом является право на законный брак.

В современном мире однополый брак признается одним из легальных благ, доступных гражданам некоторых государств, а в отдельных случаях и гостям этих государств или резидентам. Касательно данного вопроса, Канада, например, победоносно марширует в постмодернистский рай,² в то время как Россия плетется где-то в плесневеющем декадансе рубежа 19-20 веков.

Безусловно, однополые браки провоцируют горячие дебаты и в тех странах, где они законодательно разрешены. Не стоит думать, что это право достается без боя. Более того, не существует единого мнения, относительно необходимости однополых браков даже среди ЛГБТ-сообщества. Споры возникают также по поводу формы, содержания и, более того, названия гей-браков.³ Эти дебаты – часть дискурсивной практики, конструирующей некое представление о реальности. Попытка описать этот дискурс – есть также часть дискурса.⁴

Участниками дискурса могут являться как субъекты на локальном уровне, так и субъекты, играющие на глобальном поле. В случае с правом на однополый брак, безусловно, необходимо учитывать вклад мировых игроков. Однополый брак – это не некая абстрактная идея, появляющаяся в разных обществах, в разные исторические периоды то тут, то там. Однополый брак – это вполне конкретная идея, авторство которой локализуется на Западе. Это ребенок

западной мысли, развитие западной, европейской теории права и всеобщего благосостояния.⁵ Следовательно, локальные игроки, находящиеся в какой угодно точке мира, пользуются аргументами и смысловыми конструктами западной культуры. Их роль сводится к адаптации дискурса к местным условиям, а также к культурной ассимиляции дискуссии и выработыванию стратегий, которые плодоносили бы на родной почве.

В Европе, в обеих Америках, в других странах мира дискурс в той или иной мере формируется всеми участниками: учеными, государственной властью, общественными организациями (в том числе, религиозными), деятелями искусства и культуры (субъекты дискурса определены Фуко в *Археологии знания*).⁶ В России ввиду пассивности прочих участников приоритетное положение в формировании дискурса занимают общественные организации. Власть дистанцируется от проблемы, стараясь не замечать самое существование ЛГБТ-сообщества. Ученое братство пребывает в состоянии перманентной интеллектуальной импотенции, обусловленной пониманием того, о чем размышлять разрешено и о чем желательно даже не думать. Культура и искусство медленно умирают от потери способности к творчеству. Роль общественных организаций, таким образом, – одна из наиболее важных в борьбе за права геев и лесбиянок в России. На Западе, во многих странах Латинской Америки общественные движения, некоммерческие организации (НКО), правозащитные группы зачастую оказываются важным связующим звеном между обществом и законодателем, балансирующим между философией прав человека и их конкретным выражением в поле легальности. Такие движения переводят требования групп, права которых защищают, на политический язык законодателей, разрабатывают и применяют стратегии, наиболее адекватные при имеющихся обстоятельствах.

В условиях ограниченного числа участников дискурса, на мой взгляд, общественным ЛГБТ-организациям России трудно сформировать адекватную позицию, способную стать успешной платформой в борьбе за права геев и лесбиянок. Русские правозащитные НКО осведомлены о точке зрения власти на проблему и учитывают ее в своей деятельности. Однако без научного переосмысления теоретических принципов борьбы за права, способны ли НКО удовлетворить требования, как широких масс, так и той группы, которую они взяли за представлять? Насколько реальна борьба в отсутствие понимания многослойности, сложности, относительности ее проблематики?

На эти вопросы невозможно ответить однозначно. Собственно, моя задача поставить их, задать некий вектор возможного теоретизирования проблемы в российской реальности. Я буду возвращаться к теме российских НКО и их позиции по поводу однополых браков. Однако основная часть аргументации будет строиться на достижениях западной мысли.

Гомосексуальность прав человека

Аргументация дискурса об однополых браках формулируется в терминах прав человека.⁷ Право на что-либо, безусловно, не сразу становится правом человека. Необходимы определенные условия, которые позволили бы этому праву «очеловечиться». Зачастую формулировка какого-либо требования в терминах прав человека требует исторически длительного промежутка времени, часто переформулирования.

Большое значение в этом процессе играет глобализация.⁸ Понятие прав человека основывается на принципе универсальности, то есть права человека – это такие права, которые нужны каждому человеку или должны уважаться каждым человеком на планете. Глобализация делает возможным перенос частных, локальных требований на мировой уровень. Более того, благодаря глобализации мир узнает о проблемах и требованиях людей в разных точках планеты, учится на опыте других стран и переосмысливает собственное положение. Иными словами, глобализация делает вклад локального субъекта дискурса глобальным.

Тем не менее, глобализация – процесс не однозначно положительный. Зачастую глобализацию критикуют за распространение «западнических» идей. Однако в случае с правами ЛГБТ, это играет нам на руку: как права человека, так и право на однополый брак – это западные идеи, за которые готовы бороться многие геи и лесбиянки у себя дома. Классическое либеральное понимание прав человека в Европе зиждется на постулатах естественной теории прав.

Естественная теория⁹

Права человека – есть некое благо, которым человек обладает просто потому, что **она** – человек.¹⁰ Как невозможно перестать дышать, так невозможно не иметь прав, если ты человек. Исторически естественная теория истекает из божественной теории права. Для обоснования права на власть ранее использовалась «небесная уловка»: я могу делать то, что хочу, потому что бог дал мне на это право. То есть любое деяние объяснялось мандатом некоего высшего существа, обладающего абсолютным авторитетом и властью. Либеральная теория заменяет бога «природой человека», неким абстрактом, который не менее, а порой даже абсолютнее, чем бог.

Естественность прав человека содержала в себе потенциал неограниченной свободы совершать любые поступки по праву, данному человеку природой. Такое положение вещей не учитывало коллективный характер организации общества. «Естественную» свободу необходимо было ограничить, однако это ограничение ставило под сомнение саму естественность свободы. Общественный договор Руссо выполняет функцию ограничителя естественной свободы,

дарованной человеку природой по праву рождения, и дает начало гражданским правам, приобретаемым в обмен на «природные права». «По Общественному договору человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает, и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает».¹¹

Популярность естественной теории вполне понятна. В этом случае доказывать право на что-либо не надо – ты просто обладаешь им с рождения. Однако такое объяснение довольно плоско и малоубедительно. Естественная теория не может ответить на вопрос, *почему* человек обладает некими правами. Естественное право – это аксиома, принимаемая без доказательства. С научной точки зрения, аксиома – слабый аргумент. Собственно, поэтому, несмотря на постоянно возникающие рефрены, естественная теория как научное объяснение прав провалилась.¹² Уже в 19 веке Маркс заостряет внимание теоретиков на том, что права, в особенности право собственности, – это бесконечный источник конфликтов. По Марксу, в идее естественных прав кроется неразрешимый конфликт интересов, если угодно, естественное чувство наживы, свойственное человеку.¹³ Эти интересы в таком случае следует уважать ничуть не меньше, чем права. Тем не менее, естественная теория как аргумент в политической борьбе все еще остается популярной. Аксиома – довольно распространенная форма политической риторики.

В современности естественная теория была переформулирована в термины универсальности прав человека: правами человека обладают от рождения все люди в равной мере.¹⁴ Эта позиция вызвала резкую культурную критику. Универсализм прав человека враждебно встречен в разных уголках мира. К примеру, Зен напоминает, что «некоторым культурам понятие прав человека чуждо, там приоритет может отдаваться другим принципам, в частности, уважению к власти».¹⁵

В момент появления естественная теория поставила под вопрос и, собственно, субъект прав – человека. Наделение того или иного индивида правами стало зависеть от того, насколько этот индивид считается человеком. Например, женщина в 18 веке не могла рассчитывать на равноправие с мужчиной. Рабы, привезенные из Африки, еще долго доказывали свою «человечность». Таким образом, не только вопрос, почему человек обладает правами, но и вопрос, *кто является* человеком, был включен в повестку дня.

Таким образом, права человека оказываются сложной, многозначной теоремой, в которой исходные данные – есть набор противоречивых предположений. По сути, данная теория не только не отвечает на вопрос, почему человек обладает правами и что это за права, но и стигматизирует отдельные группы людей, также не давая объяснения, почему эти люди остаются бесправными. Общественный договор в этом случае становится хитрым механизмом исключения больших масс

людей из круга обладателей прав. Договор Руссо – это способ обмена правами, однако обмен этот идет далеко не на равных условиях.

Изложенный вкратце дискурс о правах человека имеет некие неестественные черты: данная полемика строится вокруг понятий «интерес», «власть», «конфликт», «исключение», собственно, «право». Следовательно, природа тут имеет слабое значение – иные силы формируют наш понятийный аппарат. «Нет ничего естественного ... в организации общественной и политической жизни вокруг концепции прав человека. Более того, список определенных прав, которым мы пользуемся сегодня, отражает случайный ответ на исторически особые условия».¹⁶ Таким образом, права человека – есть исторически сложившийся в Европе концепт организации жизнедеятельности социума.

Неестественная теория

Безусловно, то, что права человека не являются продуктом природы, не делает их менее обязательными для исполнения.¹⁷ Дело в том, что данный дискурс концептуализируется под влиянием разнообразия властей,¹⁸ действующих на него. В конечном итоге, тот, кто обладает властью размышлять (ученые) и принимать законы (политики), формирует право.¹⁹ Право, таким образом, не имеет некой естественной структуры, оно есть лишь конкретизируемый итог дискурсивной практики, обусловленной властными отношениями. Сам дискурс становится возможным благодаря изменившейся под влиянием Французской Революции и появлением либеральной теории политической и научной ситуации в Европе. Универсальность же права человека получают во второй половине 20 века, после ужасов II Мировой войны.²⁰

На первый взгляд, в политическом дискурсе данная теория, тем не менее, является скорее тлетворной, чем убедительной. Самое предположение того, что человек, его нужды и интересы – есть продукты исторических, политических, социальных обстоятельств, а не некие естественные явления, – спорный аргумент в борьбе за права. Иерархия властей, обуславливающая этот процесс, придает правам человека неприятный запах чего-то нежеланного, за что вряд ли кому-то захочется бороться. Кроме прочего, такое объяснение несет в себе нотки фатализма – на человека действуют некие обстоятельства, над которыми она якобы не имеет контроля.

С другой стороны, человек сама и является создательницей этих обстоятельств. Своим требованием тех или иных прав, она делает вклад в дискурс, а, следовательно, конструирует обстоятельства. Возникающая при этом проблема отсутствия власти влиять на историю, обычно связываемая с индивидуальными требованиями, решается за счет объединения претендентов на право в социальные группы. Однако не следует забывать, что во многих странах существуют

юридические механизмы, способные удовлетворить и индивидуальные жалобы.

Социальные группы, способные выдвинуть коллективное требование, складываются, основываясь на принципе идентичности. Самоидентификация человека с той или иной группой определяет и отношение этого человека к своим правам. «Тело находится в тюрьме души»,²¹ то есть человек не способен вести себя естественно, она действует сообразно приобретаемым социальным навыкам. Таким образом, если человек идентифицирует себя с ЛГБТ-сообществом, одним из ее требований становится требование узаконить однополые браки.

При этом вряд ли само право может стать идеей, дающей начало новой социальной группе. Более конкретные интересы, связанные с повседневной деятельностью дают первый толчок. В нашем случае предпочтение партнеров своего пола в качестве сексуальных может быть примером такого интереса. Однако и этого недостаточно, чтобы сформировалась некая особая идентичность. Гомосексуальность имеет разные социальные аспекты, разную форму выражения в разные исторические периоды. По утверждению Фуко, гомосексуал становится распознаваемой идентичностью в 18-19 столетиях благодаря возникающему медицинскому дискурсу.²² Примерно в этот период, возникает сам термин «гомосексуальность», противопоставляемый другому новому термину «гетеросексуальность». Что касается прав человека, то они станут универсально значимыми для гомосексуалов только во второй половине 20 века, когда, как было установлено выше, сам дискурс прав человека берет новое направление.

Если права человека – продукт историко-политических обстоятельств, то и риторика борцов за права должна артикулироваться с учетом политической и исторической ситуации. Апелляция к естественности права на что-либо не способна стать успешным аргументом сегодня, поскольку естественность прав многократно оспорена. Политические аргументы становятся новым языком борьбы за права в 20 веке: аргументы за равноправие или за особые права.²³ Эти аргументы строятся на сравнении группы, не имеющей прав, с группой, обладающей всеми правами: рабочие против владельцев средств производства, женщины против мужчин, гомосексуалы против гетеросексуалов.

Таким образом, к концу прошлого столетия складывается некое в той или иной степени универсальное понимание права на однополый брак как блага вожеленного для геев и лесбиянок ввиду того, что им наслаждаются гетеросексуалы. Это требование не было сформулировано ни в 18, ни в 19 веке – это требование продукт современной реальности. Дело не в том, что естественно иметь право на брак вне зависимости от твоей сексуальной ориентации, дело в том, что дискурс сегодня строится на сравнении и принципе важности этого права. Между тем, само понятие брака остается как бы нетронутым, не переосмысленным. Брак – есть благо, и пусть никто не спрашивает, почему.

Столкновение с постмодернизмом

Аргументация требований прав геями и лесбиянками строится на основе идентичности, то есть отождествления этих требований с интересами группы, «ЛГБТ-сообщества». При этом предполагается некое единство данной группы, а также общность интересов, разделяемая большинством членов. Однако наивно было бы думать, что все так просто. Существование стабильных, классифицируемых, неизменяемых идентичностей подвергается серьезным атакам критики.

Если идентичность – есть результат дискурса властей, то свобода человека ставится в зависимость от компромисса, к которому приходят власти. Значение и содержание идентичности также определяется этим дискурсом. В итоге мы получаем набор ярлыков, которыми каждый будет наделен: геи – направо, «натуралы» – налево. Квир-теория бросает вызов такому положению вещей. Для квир-теоретиков содержание идентичности обусловлено гендерным поведением.²⁴ Гендер, в свою очередь, содержит иерархические элементы, обуславливающие подчиненное положение одних групп другим. Соответственно, квир-теория ратует за сопротивление иерархии, формирование дискурса, конструирующего идентичность в ином ключе, в частности, идентичность, свободную от гендерных ролей.

Постмодернисты, в свою очередь, считают, что идентичность не является стабильным и неизменным субъектом дискурса.²⁵ Идентичность постоянно формируется и реформируется под влиянием широкого разнообразия дискурсов. Относительность и неясность положения человека состоит также и в том, что она одновременно может идентифицировать себя с несколькими группами, каждая из которых может по-разному смотреть на один и тот же вопрос.

Анархистская теория идет еще дальше. Следуя логике выводов Фуко, в современном обществе человеку дается ограничивающий выбор комплект шаблонов, в которые каждый должен вписать свою сексуальность. То есть человеку необходимо быть либо гомосексуалом, либо бисексуалом, либо гетеросексуалом. Эти три модели сексуальности обуславливают дальнейшее определение собственной идентичности и соответствующее поведение. Анархия в данном случае заключается в отказе от самоидентификации с одним из трех навязываемых властью шаблонов и в сопротивлении ориентации, как социально значимому понятию.²⁶

Для формирования адекватной стратегии борьбы за права ЛГБТ, существующие общественные организации должны учитывать эти обстоятельства. Проблема, прежде всего, заключается в том, что, артикулируя свои требования на конкретно-историческом, правовом языке, НКО попадают в ловушку постмодерна: они ратуют за то, что завтра уже перестанет быть реальностью, то есть за права группы, эфемерность которой – серьезный барьер на пути достижения этих прав.

Суть в данном случае не только и не столько в том, что идентичность гомосексуала нестабильна и переменчива. Суть заключается в конфликте двух форм идентичности: назовем их легальной и социальной идентичностями. Легальная идентичность – есть установленное законом понятие. Эта форма имеет характеристики, отличные от социальной: она более долговечна; зачастую имеет конкретные, установленные правоприменительной практикой черты; она стойко переносит изменения окружающей среды и слабо меняется от перемен в общественном сознании.

К примеру, средневековые «содомиты», упоминаемые почти в любом уголовном кодексе разных стран Европы, пережили несколько веков, во многих странах их не тронули ни буржуазная революция, ни либерально-демократические ветры перемен. «Содомитами» считались мужчины, уличенные или заподозренные в однополем сексе.²⁷ В Российской Империи строгим требованием был юридически установленный факт анального секса, в то время как прочие проявления гомосексуальности – следует отметить, к счастью – не считались криминальными.²⁸ Русские «содомиты» переключались в УК РСФСР в качестве «мужеложцев», практически не изменив своих отличительных характеристик. В это время гомосексуальность расцвела пышным букетом идентичностей, среди которых наиболее яркими цветами были «лесбиянки», «геи», «бисексуалы», «квиры». Научно-медицинский дискурс уже строго различал «гомосексуалов», сексуальное желание которых направлено именно на партнеров своего пола, и «случайных гомосексуалов», которых обстоятельства заставили вступить в сексуальные однополые отношения (заключенные, например).²⁹

Схожая ситуация происходит и в сфере прав человека. Однажды юридически определенная группа, получающая свои групповые права, медленно, но верно теряет своих членов ввиду того, что общество меняется. Закон не способен изменяться также быстро, следовательно, эти права становятся никому не нужны, а борьба начинается заново. Разделение групп на мелкие составляющие способствует также процессу мультипликации прав человека: все вокруг вдруг становится правом на что-либо, каждый индивид требует какие-то свои, особые права.³⁰ Представьте себе лист гомосексуальных идентичностей, требующих включить себя в список групп, против которых запрещена дискриминация (сегодня уже поднимается требование добавить любителей гомосексуального садо-мазо, как особо дискриминируемую группу людей, в список деклараций, запрещающих дискриминацию «сексуальных меньшинств»).

Стратегическое мышление позволяет смотреть в будущее с постмодернистским «оптимизмом». Если юридически закрепленная идентичность – есть препятствие на пути к справедливости, то необходимо требовать прав, свободных от строгих определений правообладателей. В случае с однополыми браками, это должно быть требование права на брак, который может заключить любой человек, вне зависимости от ее идентичности.

Аргументы и факты

Появление социальной группы, требующей уважения прав ЛГБТ, в 20 веке – есть почва, на которой произрастает великое разнообразие аргументов за эти права. Собственно, законодатели не готовы применить естественную теорию прав и просто удовлетворить требования ЛГБТ-сообщества, признавая человека обладательницей любых свобод, о которых она только может пожелать, по факту рождения. Право на что-либо следует, прежде всего, аргументировано доказать, за право следует политически бороться. Иными словами, свое право следует сконструировать, вписать его в имеющийся дискурс.

Наиболее адекватные аргументы можно разделить на две группы: аргументы в пользу толерантности и в пользу равенства. Дискурсивная практика, использующая эти аргументы, наделяет их широким кругом трактовок и значений. Соответственно, применение тех или иных аргументов ведет к конкретным последствиям.

Факты о толерантности

Термин «толерантность» известен в русском языке не так давно.³¹ Сначала этот термин появляется в медицине. Однако в скором времени также распространяется и в политическом дискурсе. Важно понимать, что толерантность имеет два противоречащих друг другу значения в современных дебатах по поводу ЛГБТ-прав. Во-первых, традиционная трактовка слова взывает к принятию чужого социального элемента (геев и лесбиянок) общественным большинством (людьми, считающими себя гетеросексуалами). Во-вторых, более революционная трактовка подчеркивает инаковость, особость ЛГБТ-сообщества по сравнению с широкой массой всех прочих.

Толерантность как просьба

Слово «толерантность» характеризуется тремя основными действиями: 1. Терпеть; 2. Допускать; 3. Позволять.³² Первое действие предполагает унижение объекта толерантности. Терпеть означает испытывать страдание по поводу чего-то неприятного, но ничего не делать, чтобы его остановить.³³ Второе действие предполагает некое пренебрежение объектом толерантности.³⁴ Объект не рассматривается субъектом как нечто требующее особого внимания, игнорируется. Третье действие ярче прочих демонстрирует, что в дискурсе о толерантности важное место занимает власть, в том числе государственная власть.³⁵ Применяя термин «толерантность», объект толерантности просит позволения у общества и у государства на собственное существование.

Это значение толерантности выстраивает иерархическую структуру, в которой геи и лесбиянки располагаются в более низкой позиции, в положении просящих по отношению к тем, к кому они взывают. Это не требование прав, а просьба людей, страдающих от унижительного положения, в которое их ставит сам факт просьбы.

Унижительное положение, из которого разные социальные группы просили о своих правах, часто использовалось властью имущими для продвижения идей признания существования разнообразных меньшинств. При этом права этих меньшинств не признавались равными правам большинства, либо им выдвигались особые условия, на которых они могли быть в той или иной степени равноправными субъектами общественной жизни. К примеру, западное общество с середины 19 века до середины века 20 позиционировало себя как прогрессивное в противовес примитивным обществам. С позиции толерантного, прогрессивного собрата Запад был способен до определенной степени признавать диких «приматов», то есть народы Африки, Азии, Америки. Сегодня западные нации позиционируются как свободолюбивые, цивилизованные, прогрессивные в противовес фундаменталистским, нетерпимым, варварским народам (например, народам исламского мира).³⁶

В отношении ЛГБТ, аргумент толерантности может работать по тому же принципу: «нормальное», гетеросексуальное большинство способно на разнообразных условиях терпеть «ненормальных», «извращенных» гомосексуалов. Одним из проявлений толерантности в США была широко критикуемая политика армии страны «Не спрашивай – не говори», которая позволяла геям и лесбиянкам служить в вооруженных силах на условии сокрытия информации о своей сексуальной ориентации от сослуживцев.³⁷ В более широком смысле, эта политика означает, что гомосексуалы могут рассчитывать на толерантность до тех пор, пока они остаются в чулане.³⁸ Однако «концепт чулана» плохо сочетается с реализацией прав человека. Чулан не был создан самими ЛГБТ, это элемент угнетения, созданный гетеросексистским обществом, чтобы заставить геев и лесбиянок прятаться в глубоком подполье, откуда права человека труднодоступны.³⁹

Этот же аргумент использовался членами комитета Вольфендена в Великобритании.⁴⁰ Комитет выработал понятие «терпимого гомосексуала», который бы занимался «своими приватными делами» с осторожностью, контролируя внешние проявления «аморальности» на публике.⁴¹ Фактически, комитет разделил геев на две противопоставляемые друг другу группы: хороших геев (которые не «шокируют» общественность проявлениями своей сексуальности) и плохих геев (не поддающихся дрессировке, проблематичных и опасных «педерастов»).⁴²

С точки зрения адекватности использования аргумента толерантности в политической борьбе, следует, таким образом, иметь в виду, что этот аргумент

несет в себе опасность быть принятыми на неравных условиях. Толерантность может обеспечить включение геев и лесбиянок в общество, однако не позволит нам быть принятыми на условиях равноправия.⁴³ В этом смысле, толерантность – слабый аргумент.

Толерантность как требование

С другой стороны, само понятие толерантности содержит в себе важный принцип подчеркивания особых черт личности или социальной группы. Если объект просит о толерантности, значит, она сознательно трактует свою идентичность, как отличную от большинства, то есть осознает свою особость. Индивиды, социальные взаимодействия которых являются объектом толерантности, – это всегда те люди, которые чем-то выделяются, отличаются от общепринятых устоев. В акцентировании особости, непохожести заключается позиция многих общественных ЛГБТ-организаций США. Хотя скандирование «Мы такие же, как вы!» встречает огромную поддержку среди лесби- и гей-лобби, у этого аргумента есть серьезный недостаток. Правда в том, что мы вовсе *не* такие как вы.⁴⁴

«Несмотря на то, что в современности толерантность может быть задействована для различных целей, этот аргумент всегда тянет за собой свой славный исторический багаж освобождения личности от власти религиозных и государственных гонений ... в значении свободы человеческих убеждений».⁴⁵ Толерантность – продукт либерализма.⁴⁶ Именно толерантностью аргументировалось отделение церкви от государства в пост-революционной Франции. Толерантность сыграла важнейшую роль, когда на повестке дня стоял вопрос о плюрализме религиозных и политических убеждений в рамках одной государственной системы. Толерантность в своем втором значении – есть одновременно и дифференциация, и терпимость к маргинализируемому Другому.

Стоит заметить, что не в любом обществе быть другим и непохожим на большинство считается за благо. Такая позиция ближе индивидуалистским социумам Запада, чем коллективистским Востока. Уникальность, которая на Западе может выражаться в самобытной индивидуальности личности, на Востоке скорее выразится в терминах социальной девиации. Место России в этом замшелом геополитическом дискурсе противостояния Востока и Запада по сей день остается неясным и парадоксально формулируется в идее ее *особой* роли.

Очевидно, что аргументы толерантности весьма спорным образом формируют дискурс о ЛГБТ-правах. Важным остается тот факт, что достижением толерантности остается подчеркивание разнообразия в противовес одинаковости, часто связываемой с аргументами равенства.

Факты о равенстве

Аргументы равенства также можно разделить на две группы: аргументы в пользу равенства прав и в пользу равенства выгод от обладания правами.

Равноправие

Аргументы в пользу равноправия основываются на утверждении того, что геи и лесбиянки должны обладать одинаковыми с гетеросексуалами правами. Эти аргументы просты в применении на практике, поскольку они понятны и разумны. Такие аргументы призывают к справедливости и ратуют за равное и мирное сосуществование социальных групп в обществе.

Ученые считают, что равенство лучше всех прочих аргументов сочетается с понятием справедливости.⁴⁷ В современном обществе наделить всех одинаковыми правами представляется верным путем к светлому будущему. Более того, аргументы равенства снимают вопрос о возможной аморальности гомосексуальности, поскольку они ставят знак равенства не только между правами ЛГБТ и «натуралов», но и между однополым сексуальным желанием и гетеросексуальным.⁴⁸

Однако, принимая во внимание механизм аргументации в терминах равноправия, напрашивается логический вывод, что основой этих аргументов является принцип сравнения одной группы с другой.⁴⁹ Проблема заключается в том, что сравнение ведется в условиях гетеронормативного⁵⁰ дискурса и на условиях гетеросексистского большинства. Иными словами, мы ратуем за одинаковость с теми, от кого отличаемся, принимая их систему ценностей за свою.

Можно назвать этот процесс советским термином «уравниловка» или, выражаясь современным научным языком, «сексуальная и культурная ассимиляция».⁵¹ Геи и лесбиянки вместо того, чтобы быть признанными как особая группа людей, принимаются полноправными членами общества на условиях принятия правил поведения этого общества. К примеру, считается, что вступление в однополые браки является возжеланным желанием каждого уважающего себя гея. Между тем, вполне возможно, что однополые отношения далеко не всегда предполагают сексуальную и эмоциональную исключительность, и, следовательно, не нуждаются в юридическом оформлении в том виде, в котором оно существует сейчас.⁵² Уравнение однополых пар с гетеросексуальными «может оказать парадоксальный эффект в виде уменьшения, а не увеличения, наших шансов на справедливость, так как наша ассимиляция до уровня гетеросексуальной модели может стереть те особенности, которые делают наши отношения *отличными* от гетеросексуальных – особенно те, что касаются отсутствия гендерных механизмов подчинения».⁵³

Суть этих размышлений сводится к старой, доброй истине: жить хочется полноправно, а не просто так же, как живут другие. Ратуя за равные с гетеросексуальным большинством права, геи и лесбиянки оправдывают систему, которая загнала их в неравное положение. Мы словно говорим, что существующая система – прекрасна, поэтому мы тоже хотим быть ее частью. Между тем, это именно та самая система, которая загнала ЛГБТ в чулан, разделила людей на нации, ценит женский труд дешевле мужского, внушает страх инакомыслию и т. п. Система, частью которой мы хотим быть, – сама же и является источником дискриминации и угнетения.

Стратегической целью является не равенство, а справедливость.⁵⁴ В этом случае гетеросексуальная модель брака может быть относительным ориентиром. Исторически, брак – социальный институт, устанавливающий право собственности мужчины над женщиной.⁵⁵ От брака несет тлетворным запахом угнетения и несправедливости. ЛГБТ, как группа, предположительно свободная от гендерных предрассудков, способна бросить вызов такому положению вещей. Несправедливая система должна меняться, и задача общественных правозащитных организаций не просить прощения и признания и не требовать уравнивания прав, а заставить эту систему измениться.

Функциональный подход

Так или иначе, дебаты вокруг однополых браков строятся вокруг высказываний за или против. Мы словно обязаны незамедлительно решить, нужна нам юридически оформленная семья или нет. Однако, принимая во внимание все возможные значения слов «брак» и «семья», геи и лесбиянки не обязательно лишены всех возможных семейных прав. У нас есть родители, бабушки, возможно, дети. Мы наделены правами наследования, несем ответственность за членов своих семей. Мы живем в браках со своими партнерами, пусть не оформленных юридически. «Мы одновременно и состоим в браке, и не состоим. Мы и то и другое. Мы ни то, ни другое. Мы – семья. Мы – не семья».⁵⁶ Наш социальный статус может кардинально отличаться от юридического, и в этом, по большому счету, нет ничего опасного. Мы даже можем получить определенные выгоды от того, что наш «гражданский брак» остается незаметным для всевидящего государственного ока. Суть дебатов сводится к тем выгодам, которых мы *не* можем получить, если наш брак не признается официально.

Аргументы функционального равенства сводятся к требованиям выгод от узаконивания семейных отношений.⁵⁷ Среднестатистическому человеку вряд ли интересно право на брак само по себе. Выгоды, приобретаемые от обладания этим правом, более вожделенны. Человек сама может разобраться, каким словом назвать союз со своим партнером. Будет это брак или партнерство, семья или сожитительство юридически может не иметь никакого отношения к тому, могут ли

члены этого союза обладать совместным имуществом или посещать друг друга в дневном стационаре местной поликлиники.

Семейные кодексы многих стран мира склонны регулировать любовь, склонны юридически закреплять «любовные» или сексуальные отношения. Между тем, функции гражданского законодательства заключаются в регулировании прав и свобод личности, а не ее эмоционального состояния. Таким образом, идеальный концепт брака может состоять в отказе от регулирования эмоциональной стороны семейного союза и в концентрации усилий законоприменения на достижении равенства выгод для всех людей, живущих по тем или иным причинам под одной крышей.

Роль общественных организаций в борьбе за однополый брак

Общественные правозащитные организации не обладают властью в обычном понимании этого слова. Их функция – политическая борьба, поскольку они не властны менять законодательство самостоятельно. Однако, как уже говорилось ранее, правозащитные НКО обладают иной властью – в фукианском смысле слова. Здесь их функция – обдуманно, стратегически делать вклад в циркулирующий в обществе дискурс, тем самым меняя существующее положение вещей. Чем осмысленнее этот вклад, тем ближе политическая цель правозащитников. Чем ближе политическая цель, тем скорее конструируется справедливое общество.

Любые общественные правозащитные организации – включая ЛГБТ-объединения – борются, прежде всего, с несправедливостью существующего порядка, то есть с гегемонией,⁵⁸ в нашем случае – с гетеронормативностью. Эта борьба, по определению Боавентуры де Соузы Сантуша, может принять форму двух разнонаправленных векторов: слабые ответы на сильные вызовы и сильные ответы на сильные вызовы. Слабый ответ – это ответ в рамках системы, приспособление.⁵⁹ Такой ответ позволяет чувствовать себя спокойнее, но ничего, в сущности, не меняет. К примеру, это борьба за однополый брак, выстроенный по гетеросексуальной модели: во многих странах такое право выдано, но особой популярностью не пользуется, поскольку геи все же остаются Геями.⁶⁰ В итоге «неокольцованные» гомосексуалы получают дополнительный мотив для стигматизации как люди, которые не ценят того, что ценить принято. Заключившие однополый брак наслаждаются чуждой гетеросексуальной моделью семьи. А сами гетеросексуалы пребывают в затычном тупике неизменных семейных ценностей, периодически избивая своих жен и детей.

Политически сильный ответ на сильный вызов «предоставляет место для социальных и политических инноваций».⁶¹ Сильный ответ – сам по себе вызов системе. Такой ответ предлагает альтернативы существующему порядку и порожденным им слабым ответам, он является борьбой за кардинальные

перемены.⁶² Сильный ответ отрицает единообразие и ратует за разнообразие опыта народов, социальных групп, индивидов. В этом разнообразии следует искать инновационную альтернативу, способную приблизить нас к справедливому сосуществованию.⁶³

Альтернатива гетеросексуальному браку напрашивается сама собой – гомосексуальный брак! Гомосексуальная модель брака может служить примером для гетеросексуального большинства, как модель свободолюбивой семьи, лишенной гендерной иерархии и имеющей больше шансов быть построенной исключительно на любви, а не на обязательстве жениться до тридцати.⁶⁴ Задача правозащитных НКО – донести эту инновационную идею до общественного сознания, бороться за принятие новой модели брака, а не просить позволения стать частью позорного института угнетения.

Таким образом, одним из первых шагов в этом процессе должен стать «поиск новой морали..., которая была бы принята всеми».⁶⁵ При этом не следует сбрасывать со счетов ни аргументы в пользу толерантности, ни широкие возможности аргументов равенства. Стратегически, любые действующие аргументы пригодны в неравной борьбе. Важно иметь четкую, инновационную цель и осознавать недостатки используемых аргументов. Приспособленчество – удел индивидов. Бескомпромиссная борьба – функция общественных организаций.

Готово ли российское общество принять и понять правозащитные ЛГБТ-организации, если их деятельность будет строиться на описанных принципах? Правда в том, что никакое общество не готово к этому и никогда не будет готово, если не начать действовать. Спрашивать позволение у общества на его собственное изменение – стратегическая ошибка. Дискурс формирует общественное сознание, следовательно, следует делать вклад в дискурс, чтобы общество изменилось.

Вывод. Постмодернистский однополый брак

Подводя итог вышесказанному, следует суммировать все аргументы и представить теоретически возможный вариант брака, доступного каждому человеку, вне зависимости от ее сексуальной ориентации или идентичности. Это юридическая концепция, которая должна оставить место для существования широкого разнообразия семейных отношений в обществе и концентрироваться на правовых аспектах брака. Семья – понятие непостоянное. Оно может означать совершенно разные вещи для разных социальных групп, а также иметь разное значение для одной социальной группы.⁶⁶ Юридический концепт должен учитывать переменчивую «природу» и разнообразие значений понятия. То есть юридически брак должен быть оформлен так, чтобы суть правовых выгод не менялась от перемены общественного сознания относительно идеи брака.

К счастью, такая концепция брака способна разрушить его крепкую гетеронормативную основу. Финальная цель, безусловно, в этом и заключается – изменить суть брака, ограничить его функциями контракта и изъять морально-этические аспекты семьи из правового поля. Доминирующая сегодня мораль – это извращенная, религиозная гетеросексуальная мораль, не способная удовлетворить широкий круг страждущих справедливости. Для достижения справедливости требуется вызов и инновационный подход к идее брака, то есть ее изменение.

Во-первых, любой человек должен иметь возможность вступить в брак. Никакая идентичность не может быть закреплена юридически – это только создает лишние проблемы в условиях ежечасного образования новых идентичностей. Назовем это принципом *правовой толерантности*: в круг пользователей юридическими благами брака допускаются все, вне зависимости от ориентации, идентичности, предпочтений, вкусов. Условием, пожалуй, может быть лишь правовая дееспособность, то есть возраст, по достижении которого человек считается в праве заключать контракт, и справка от психиатра.

Во-вторых, брак должен быть *«де-сексуализирован»*: чем занимаются брачующиеся по ночам не должно получать никакого юридического статуса. Брак может быть основан на любви, сексе, желании. Однако это не юридические понятия, а, следовательно, они не должны иметь никакого значения. Назовем это принципом констатации *правовой природы* концепта.

В-третьих, суть юридического концепта брака должна касаться лишь аспектов совместного проживания: совместное право собственности, семейный бюджет, материнство и отцовство и т. д. Остальные права, которые сегодня даются вкупе с общими правами, но, по сути, могут распространяться на индивидов (право на посещение человека в больнице, право на отпуск «по семейным обстоятельствам», право на льготы), должны быть даны каждому человеку вне зависимости от его семейного статуса. Назовем это принципом *равенства выгод*.

Эти три простых принципа могут стать основой для создания реально нового концепта семьи, доступной каждому. В брак смогут вступить все, не только ЛГБТ, но и соседи по комнате в студенческом общежитии на время совместного проживания. Таким образом, исторически важная идея потеряет свою значительность и превратится из элемента угнетения и механизма стигматизации в удобную юридическую услугу. Кто, кроме ЛГБТ и защищающих их НКО, способен сформулировать эту идею в терминах инновационного дискурса? Мы ответственны за справедливое общество будущего.

---

1 Для простоты повествования я буду использовать дальше данную аббревиатуру, а также ее производные и составляющие. Например, «геи и лесбиянки» будет означать

- все ЛГБТ-сообщество, гей-права – права ЛГБТ и т. п. Однако следует отметить с самого начала, что этим понятием я пытаюсь охватить гораздо большую и более разнородную группу, куда могут также входить квиры, транссексуалы, трансвеститы и т. д.
- 2 C. F. Stychin, *Law's Desire: Sexuality and the Limits of Justice* (London and New York: Routledge, 1995), 186 p.
  - 3 К примеру, см. В. Cossman, "Family Inside/Out", *University of Toronto Law Journal*, vol. 44, iss. 1 (1994), pp. 1-39; или интересный пример из русскоязычных источников: Н. А. Алексеев, *Гей-брак. Семейный статус однополых пар в международном, национальном и местном праве* (М.: Издательство БЕК, 2002), 416 с.
  - 4 «Дискурс» – понятие, широко используемое Мишелем Фуко. Под «дискурсом» Фуко понимал «групповые высказывания, обеспечивающие язык разговора понятиями или способ представления знания о конкретном предмете в конкретный исторический период. Дискурс – это производство знания через речь. ... Так как все социальные взаимодействия имеют некие значения, и значения формируют и влияют на то, что мы делаем – на наше поведение, – любое взаимодействие имеет дискурсивный аспект» (S. Hall, "The West and the Rest: Discourse and Power", in S. Hall and B. Gieben, eds., *Formations of Modernity* (Cambridge: Polity, 1992), p. 291).
  - 5 J. Weeks, *Sexuality and Its Discontents: Meanings, Myths & Modern Sexualities* (London and New York: Routledge, 1985), p. 17.
  - 6 M. Foucault, *Archaeology of Knowledge* (London and New York: Routledge, 2004 [1969]), p. 46.
  - 7 J. Weeks, *The World We Have Won: The Remaking of Erotic and Intimate Life* (London and New York: Routledge, 2007), p. 214.
  - 8 *Supra* note, p. 201.
  - 9 Подробнее о теории см. Д. Локк, *Сочинения в трех томах*, том 3 (М.: Мысль, 1988), 668 с.
  - 10 Здесь и далее слово «человек» и его производные употребляются в женском роде ввиду феминистской позиции автора, связанной с борьбой против фаллоцентрического дискурса (прим. ред.).
  - 11 Ж.Ж. Руссо, «Об общественном договоре», *Антология мировой политической мысли: В 5 т.*, том 1 (М.: Мысль, 1997), С. 427-428.
  - 12 A. Clapham, *Human Rights. A Very Short Introduction* (New York: Oxford University Press, 2007), p. 11.

- 13 K. Marx, "On Jewish Question", in D. Easton and K. H. Guddat, eds., *Writings of the Young Marx on Philosophy and Society* (Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1997), pp. 216-248. (Прим. ред.: на русском языке работа опубликована в К. Маркс, «К еврейскому вопросу», в К. Маркс, Ф. Энгельс, *Собрание сочинений, 2-е издание*, Т. 1 (М.: Политиздат, 1955), с. 382-413.)
- 14 J. Donnelly, "The Social Construction of International Human Rights", in T. Dunne and N. J. Wheeler, eds., *Human Rights in Global Politics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999), p. 85.
- 15 Цит. по supra note 12, p. 12.
- 16 Supra note 14, p. 84.
- 17 Supra note, p. 85.
- 18 Власть здесь используется в фукианском смысле слова. «Определение Фуко кажется вполне простым: Власть – это отношения между силами, точнее, любые отношения между силами – есть «властные отношения». Во-первых, следует понимать, что власть – это не форма, как, скажем, государственная власть; и что властные отношения – это не те, которые происходят между двумя формами, как познание. Во-вторых, сила никогда не рассматривается отдельно, она всегда существует относительно других сил, таким образом, любая сила – это уже отношения, то есть власть: у силы нет иных объектов или субъектов кроме силы» (G. Deleuze, *Foucault* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 2006), p. 70).
- 19 Supra note 6.
- 20 Supra note 14, p. 72.
- 21 M. Foucault, *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* (New York: Vintage Books, (1995 [1975]), p. 29.
- 22 M. Foucault, *The History of Sexuality: An Introduction* (New York: Pantheon Books, 1978 [1976]), p. 43.
- 23 D. Kennedy, "The Critique of Rights in Critical Legal Studies", in W. Brown and J. Halley, eds., *Left Legalism/Left Critique* (Durkham and London: Duke University Press, 2002), p. 206.
- 24 Джудит Батлер (J. Butler, *Bodies that matter: On the discursive limits of sex* (New York: Routledge, 1993), 304 p.) считает, что гендерные характеристики идентичности конструируемы, они создаются через продолжительные социальные действия и постоянно повторяемый культурный дискурс.
- 25 S. Malpas, *The Postmodern* (London and New York: Routledge, 2005), 148 p.

- 26 J. Heckert, *Resisting Orientation: On the Complexities of Desire and the Limits of Identity Politics, Sociology* (Edinburgh: The University of Edinburgh, 2005), 278 p.
- 27 L. J. Moran, *The Homosexual(ity) of Law* (London and New York: Routledge, 1996), p. 21-22.
- 28 И. С. Кон, *Лику и маски однополый любви: лунный свет на заре* (М.: Астрель, 2006 [2005]), с. 330.
- 29 J. Bristow, *Sexuality* (London and New York: Routledge, 1997), pp.12-45.
- 30 Supra note 12, p. 17.
- 31 В *Большой Советской Энциклопедии* 1956 года термин «толерантность» еще не упоминается, хотя уже в следующем издании говорится, что слово «толерантность» в медицинском значении введено в 1953 году (*Большая советская энциклопедия (в 30 томах)*, Т. 26 (М.: Советская Энциклопедия, 1977), с. 46). «Толерантность» в политическом значении есть в Советском энциклопедическом словаре 1988 года (*Советский энциклопедический словарь* (М.: Советская энциклопедия, 1988), с. 1341).
- 32 См. W. Brown, *Regulating Aversion: Tolerance in the Age of Identity and Empire* (Princeton and Woodstock: Princeton University Press, 2006), pp. 25-26; M. Strasser, *On Same-Sex Marriage, Civil Unions, and the Rule of Law: Constitutional Interpretation at the Crossroads* (Westport: Praeger, 2002), p. 103.
- 33 W. Brown, *Regulating Aversion: Tolerance in the Age of Identity and Empire*, p. 26.
- 34 M. Strasser, *On Same-Sex Marriage, Civil Unions, and the Rule of Law: Constitutional Interpretation at the Crossroads*, p. 103.
- 35 Supra note 33.
- 36 Supra note 33, p. 6.
- 37 См. S. Žižek, “Multiculturalism or the cultural logic of multinational capitalism?”, *New Left Review*, vol. I, iss. 225 (1997), pp. 28-51; D. Sanders, “Constructing Lesbian and Gay Rights”, *Canadian Journal of Law and Society Review*, vol. 9, iss. 2 (1994), pp. 99-143.
- 38 D. Sanders, “Constructing Lesbian and Gay Rights”, p. 118.
- 39 N. Bamforth, “Same-Sex Partnerships and Arguments of Justice”, in R. Wintemute and M. Andenaes, eds., *Legal Recognition of Same-Sex Partnerships: A Study of National, European and International Law* (Oxford and Portland: Hart Publishing, 2001), pp. 37-38.

- 40 D. McGhee, “Beyond Toleration: Privacy, Citizenship and Sexual Minorities in England and Wales”, *British Journal of Sociology*, vol. 55, iss. 3 (2004), p. 359.
- 41 N. S. Rose, *Governing the Soul* (London and New York: Routledge, 1999), p. 225.
- 42 A. M. Smith, *New Rights Discourse on Race and Sexuality: Britain 1968-1990* (Cambridge: Cambridge University Press, 2008), pp. 204-209.
- 43 Supra note 40, p. 367.
- 44 R. Auchmuty, “When Equality Is Not Equity: Homosexual Inclusion in Undue Influence of Law”, *Feminist Legal Studies*, vol. 11, iss. 2 (2003), p. 180.
- 45 Supra note 33, p. 38.
- 46 Supra note 33, p. 40.
- 47 C. R. Feldblum, “The Limitations of Liberal Neutrality Arguments in Favour of Same-Sex Marriage” in R. Wintemute and M. Andenaes, eds., *Legal Recognition of Same-Sex Partnerships: A Study of National, European and International Law* (Oxford and Portland: Hart Publishing, 2001), p. 56.
- 48 Supra note 39, p. 39.
- 49 C. Young and S. Boyd, “Losing the Feminist Voice? Debates on the Legal Recognition of Same Sex Partnerships in Canada”, *Feminist Legal Studies*, vol. 14, iss. 2 (2006), p. 227.
- 50 Гетеронормативность – это «принудительная гетеросексуальность», то есть некая общественная система ценностей, поощряющая гетеросексуальность и стигматизирующая все другие виды сексуальности (A. Rich, “Compulsory Heterosexuality and Lesbian Existence”, *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, vol. 5 (1980), pp. 631-660).
- 51 D. Cooper, “Like Counting Stars?: Re-Structuring Equality and the Socio-Legal Space of Same-Sex Marriage”, in R. Wintemute and M. Andenaes, eds., *Legal Recognition of Same-Sex Partnerships: A Study of National, European and International Law* (Oxford and Portland: Hart Publishing, 2001), p. 76.
- 52 B. Cossman, “Family Inside/Out”, *University of Toronto Law Journal*, vol. 44, iss. 1 (1994), p. 8.
- 53 Supra note 44, p. 175.
- 54 Справедливость понимается в юридическом значении слова – это один из классических принципов правосудия. Согласно Роулсу, каждый должен обладать правами,

равными правам и свободам других (J. Rawls, *A Theory of Justice* (Cambridge: Harvard University Press, 2005 [1971]), p. 60). Кроме того, каждый должен иметь равные перспективы, а наиболее ущемленным в правах должны быть предоставлены льготные возможности (ibid: p. 83). Таким образом, справедливость, основываясь на равенстве, утверждает иные принципы: в частности, учитывает неравенство между разными группами людей, разнообразие социальных групп.

- 55 M. Davies, “Queer Property, Queer Persons: Self-Ownership and Beyond”, *Social and Legal Studies*, vol. 8 (1999), p. 329.
- 56 Supra note 52, p. 12.
- 57 Supra note 52, p. 6.
- 58 Santos B. De S., “The World Social Forum and the Global Left”, *Politics and Society*, vol. 36, iss. 2 (2008), p. 251.
- 59 Supra note.
- 60 В качестве примера см. «Однополые браки: кризис семьи или путь к равноправию?» с сайта demoscope.ru (<http://demoscope.ru/weekly/2005/0225/reprod01.php> <доступ осуществлен 30 апреля>). Статистика свидетельствует, что после небольшого скачка сразу после принятия закона об однополых браках, количество заключаемых однополых союзов падает. Во многих странах таких союзов заключается менее 1% от общего числа браков.
- 61 Supra note 58.
- 62 Supra note 58, pp. 252-253.
- 63 Supra note 58, p. 261.
- 64 R. Auchmuty, “Same-sex Marriage Revived: Feminist Critique and Legal Strategy”, *Feminism and Psychology*, vol. 14 (2004), pp. 101-126.
- 65 Supra note 40, p. 371.
- 66 Supra note 52, pp. 22-23.